

«Вечёрка» продолжает публикацию материалов об исчезающих народах Ленинградской области. В прошлый раз мы рассказали о вепсах (см. номер «ВП» за 27 сентября), сегодня — о народности водь

Мы не чужие, мы — свои!

САМОМУ МАЛОЧИСЛЕННОМУ НАРОДУ В СТРАНЕ ПОМОГАЮТ ОКОНЧАТЕЛЬНО ИСЧЕЗНУТЬ?

Водская пятина — так называли когда-то обширную территорию на северо-западе нашей страны между реками Луга и Волхов. Центр этой земли (ближе к Финскому заливу) населяли вожане, или водь, — бойкий народец, говорящий на собственном языке, замеченный во многих лихих событиях «Руси изначальной» и строго отделивший себя от других родственников-соседей — ижорцев, финнов, эстонцев, ингерманландцев. «Слабым местом» води всегда была их сравнительная немногочисленность. В лучшие времена (XIX век) их насчитывалось 6,5 тысячи. В начале прошлого столетия — чуть больше одной тысячи. И вот сегодня — всего 64 человека! Нынешняя история почти не знает примеров подобного национального сокращения (с водью в этом смысле могут поспорить лишь жители тихоокеанского острова Питкэрн). К сожалению, именно сейчас, в наши дни, есть риск и искусственного исчезновения этой последней крупницы. Корреспондент «ВП» побывал на севере Кингисеппского района Ленинградской области — месте компактного расселения води — и узнал, как проживают последние ее представители и какие сюрпризы им готовит день грядущий.

ДВЕ ДЕРЕВЕНЬКИ

Когда-то водские поселения были обильно расспаны по этой земле: центром считались Котлы. Сегодня водскими можно назвать всего две деревеньки-соседки — Краколье и Лужицы. Разделяет их 6 километров. С одной стороны с ними соседствует Усть-Луга, с другой — одноименный порт.

Культурный центр обоих поселений — Луижский этнографический музей. Музей-символ. Не будь его, догадаться, что на этой земле испокон веков живет этот полумифический народ, было бы очень сложно! Среднестатистическая неприметная деревня: обычные дома, обычные жители. Какой тут национальный колорит?

Впрочем, эта мимикрия не случайна. Вожане привыкли скрывать свою национальность. Самобытная культура, язык — все это долгие годы пряталось, даже от самих себя. Последние поколения родителей вообще не говорили своим детям, какие у них корни...

Водские дети, 1943 год. Впоследствии им придется претерпеть со своими семьями интернирование в Финляндию, а также принудительные выселения в своей стране.

СТРАХ ЕСТЬ, ОБИДЫ НЕТ

Что же это за «прятки» и почему вожане так «стеняются» своего происхождения, лучше всего объясняет история-судьба жительницы Краколья Зинаиды Савельевой, учителя с многолетним стажем, ныне — пенсионерки, хранительницы водского языка и живой свидетельницы многочисленных перипетий своего народа.

Зинаида Савельева — носительница живого водского языка.

— Родилась я здесь, на земле предков, перед войной, — рассказывает Зинаида Андреевна. — В 41-м мне было три года. Помню наступление немцев: колонны, которые шли и шли на восток. И налет авиации, взрывы. Мы спрятались между печками — почему-то нам казалось это безопасным — и ждали, пока успокоится.

В конце 1943 года фашисты объявили: все «финноязычные» народы, в том числе водь, интернируются в Суоми, на работы! Жители, по словам моей собеседницы, довольно безропотно приняли этот факт: в лес не уйдешь — зима, холод, тем более у многих дети.

— Собрались, поехали — что оставалось, безвыходное положение, — говорит она.

Зачем им было скрывать свою национальность? Вожанам дали добро на возвращение на родину. Снова погрузились в вагоны, поехали обратно. Но в родные села их не пустили! Распределили по соседним областям с формулировкой — «политические».

Дальше у маленькой Зины и ее семьи было много дорог. Новгородчина. Возвращение в родную деревню — и снова выселение в 24 часа. Опять Эстония — западная, восточная... В Краколье окончательно вернулись в 1953-м. Вернулись не все: многих раскидало за эти годы.

— Отсюда и скрытность, — смеется Зинаида Савельева. — Мы никогда и никому не говорили, что мы водь. Не дай бог! И сейчас это внутри осталось, просто так не выкинешь. А осталась ли обида? Нет. Это наша страна, общая. Мы же не чужие, мы — свои. Как говорили родители: «Какая может быть обида, если ты трудишься и у тебя есть дети? Живи спокойно, работай, и все наладится!» И все наладилось.

СНОВА ПРИХОДИТСЯ МОЛЧАТЬ

Сегодня, спустя годы, на вожан — оставшихся жителей этих двух последних деревень — обрушилась еще одна напасть. Порт. Двадцать лет назад, во время его закладки, никто не предполагал, чем это может обернуться. Но в последние годы, когда строительство пошло ударными темпами, когда терминалы стали сдаваться один за другим, стало очевидно — Лужицы и Краколье оказались на пути огромного бульдозера.

Уже сейчас площадки порта Усть-Луга возвышаются всего в каких-то 800 метрах от Лужиц. Мощности его постоянно расширяются. Уверенности, что деревни останутся в целостности и сохранности, нет. Люди встре-

Порт Усть-Луга и один из его 12 терминалов.

Водь (самоназвание ваддлайзод (водск. vaddalaizod), вадько, водь, редк. вожане) — малочисленный финно-угорский народ в России, коренное население Ленинградской области.

Водский язык включен в 2009 году ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира как «находящийся в критическом состоянии».

вожены. Многие боятся, что их начнут выгонять, выдавливать. Кто-то из активистов и защитников водских деревень был вынужден уехать. Прошли годы после одной трагедии, и вот снова приходится ждать беды, поджимать губы, молчать...

— Тут ведь и экология, — посоветовал местный житель, попросивший не называть его имени. — Построили угольный терминал — и теперь у нас зимой идет черный снег. Рыбы в заливе меньше стало — на рыбалку уже не пойдешь. Шум постоянный от проезжающих мимо грузовиков. Мусор. Люди сторонние — дом просто так не оставишь...

— Превращаемся в единую промзону, — поддержала его другая «безымянная» жительница. — Да, плюсы от такого соседства есть: порт обеспечивает людей работой. Но важно не стереть сейчас в этом экономическом утаре с лица земли последний анклав уникальной культуры. Необходимо обратить внимание областным и федеральным властям на эту проблему. Закрепить

документально границы деревень, чтобы их не попирали.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

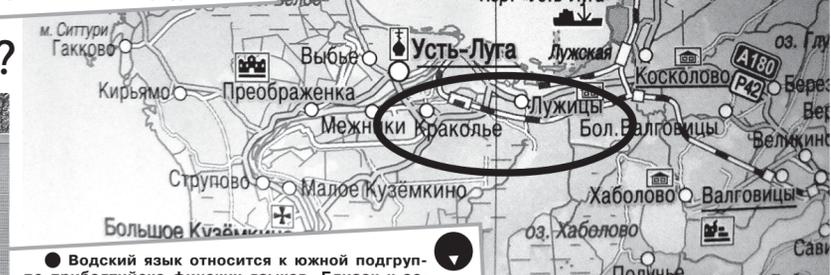
Что остается жителям деревень в этом неравном противостоянии? Держаться за культуру, развивать ее, поднимать как флаг.

К счастью, именно в последние годы в Лужицах и Краколье произошло неожиданное и удивительное возрождение местной культуры. Все началось с инициативы одной местной жительницы — Татьяны Ефимовой: для нее стало открытием, что рядом живет полузабытый загадочный народ, для которого самого своя история — тайна! Она и еще десяток энтузиастов принялись изучать архивы, собирать фотографии, старинные предметы быта, составлять генеалогические древа семей. Появился музей (позже он дважды горел, и его дважды упорно восстанавливали).

На этой волне возродился ежегодный вод-

В компании ОАО «Усть-Луга» «Вечёрке» рассказали, что в настоящее время построены все 12 терминалов порта и в проекте поставлена точка. Однако возведение новых объектов может продолжаться за границами порта. Так, компания ООО «Северо-Западный АгроПромышленный Альянс» готовится к строительству нового терминала в непосредственной близости от деревни Лужицы. Наш корреспондент связался с означенной компанией и выяснил, что да, такой проект реализуется. «Мы собираемся построить логистический агрокомплекс, — пояснил генеральный директор Олег Лебедев. — Располагаться терминал будет в двух километрах от деревни и иметь 3-й класс опасности, то есть довольно низкий». По словам Лебедева, об уникальном анклав водской культуры и компания, и он лично — в курсе. «Мы готовы помочь сохранению деревни, — добавил он. — И принимать активное участие в поддержании любых инициатив местных жителей». Впрочем, жители не верят таким обещаниям. Утверждают, что если дорога на новую стройку будет проходить через Лужицы, то деревня на несколько лет может превратиться в проходной двор, что уже есть прямо по правую сторону. Так или иначе, окончательно решение о строительстве комплекса не принято: сейчас проект находится на рассмотрении в Министерстве транспорта и в правительстве Ленинградской области.

Вожане были весьма суверены, молились деревьям и источникам (но считали себя православными). Избы украшали богатым резным декором, крыши укладывали соломой. Жили лесными богатствами, держали скот, промышленяли рыбалкой. Вожанки отличались редкой красотой и миловидностью. Мужчины часто уходили на отхожий промысел, в том числе в Кронштадт и Петербург.

Водский язык относится к южной подгруппе прибалтийско-финских языков. Близок к эстонскому (в водском языке отмечается наличие архаизмов, потерянных в развитии эстонского языка). В настоящее время почти утратил свою коммуникативную функцию и находится на грани исчезновения: из 64 вожан активными носителями языка являются всего 15 человек. Водский язык изучают сегодня в кракольской средней школе и в Центре коренных народов Ленинградской области, который находится в Петербурге.

Вожане отличались от соседних народов веселым нравом и острым языком. Хорошо характеризуют вожан их национальные загадки и поговорки. Например — «Гудит, трещит за золотым замком. Что это? Язык!» Или — «Привяжи язык к уху, чтобы меньше болтал».

Помимо Лужиц и Краколья в Кингисеппском районе исконно водскими можно назвать еще два десятка деревень, среди них — Межники, Понделово, Бабино, Березняки, Пиллово, Пумалицы. Правда, вожан в них сегодня от силы 1 — 2 человека (а в большинстве не осталось никого). На фото — последняя вожанка деревни Понделово.

ский праздник — «Лужицкая складчина» — Luutsa vakkaivo, когда на Петров день все жители собираются за одним большим столом. В музее стали проводить уроки языка, мастер-классы по традиционным ремеслам и национальной кухне. С лекциями и дружескими визитами начали приезжать сотрудники Тартуского университета. Носители языка вместе с лингвистами составили водскую письменность. Историки написали несколько книг о водях и составили несколько фольклорных сборников.

Появились первые музыкальные коллективы, поющие на водском. В частности — детский ансамбль «Линнуд».

У нас в школе учатся ребяташки разных национальностей, и многие с удовольствием откликнулись на предложение изучать водский язык и петь водские песни, — рассказывает руководитель «Линнуд» и заместитель директора кракольской школы Марина Петрова. — Сейчас в группе 15 человек, постоянно приходят новые дети.

Проблема, по словам Марины, была одна — найти эти самые песни! Обратились к вожанке Зинаиде Савельевой. И та вспом-

нила свадебную песню — «Я девушка-ягодка, не из-под порога». Потом другую — колыбельную «Нуку-нуку». Затем — старинную рыбацкую. Самое поразительное, что эти песни Зинаида Андреевна пела последний раз в раннем детстве! Сегодня в репертуаре коллектива 10 песен. Первоначально «Линнуд» выступал и представлял водскую культуру только в Кингисеппском районе. Потом в Петербурге. А теперь и по всей стране.

Главным плодом всех этих усилий стало то, что в 2008 году постановлением правительства водь внесли в перечень коренных малочисленных народов России. И это стало самой значимой вехой в возрождении культуры и отстаивании прав на собствен-

Национальный праздничный костюм вожанок считается самым нарядным и необычным среди всех северных народов. Он был украшен множеством звенящих подвесок для отпугивания злых духов, а также раковинами-каури из Индийского океана (рисунок водской крестьянки И.-Г. Георги, 1776 год).

ное существование перед натиском порта. «Если раньше нас де-юре не существовало и с нами можно было не считаться, — говорят гордо вожане, — то теперь можно официально сказать: «Мы — есть!»

ДОМОЙ, ДОМОЙ!

Сегодня в Лужицах и Краколье проживают всего тридцать вожан. Говоря о возрождении культуры, о сохранении народа, важно, конечно, чтобы люди жили на своей земле.

Нынешний хранитель этнографического музея вожанка Марина Ильина родилась в Лужицах. После школы переехала в Ленинград. Окончила вуз. Стала работать инспектором по пожарной безопасности Эрмитажа. Дослужилась до подполковника.

— Но домой ездила постоянно, — рассказывает. — Например, обязательно на 10 дней зимой. Жила одна в пустом родительском доме. Топила печку, смотрела старые фотографии. Ходила в лес. Любовалась небом. За эти десять дней восстанавливалась, как ни на одном курорте. В город возвращалась как новенькая! И снова тосковала по дому...

И вот недавно вместе с мужем — тоже вожанином — вернулась в Лужицы, хочется верить — навсегда.

— Мне кажется, каждый мечтает вернуться на малую родину, — продолжает Марина. — Но не каждый решается. Это нелегко: держат дети, связи, обязательства. Но вот сын повзрослел, и в какой-то момент я поняла, что больше меня не держит ничего. И я могу вернуться туда, где меня ждет самый дорогой клочок земли, и быть там каждый день.

В Лужицах Марина Ильина занимается музеем, изучает родной язык, участвует в «Лужицкой складчине», многочисленных мероприятиях и встречах...

— Что дает это возвращение? — интересуется у женщины.

— Силу! — улыбается она.

